

Введение

ЭТИКА ОТНОШЕНИЙ С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ

В современных социальных науках растет интерес к осмыслению отношений человека с окружающей средой. Данная сфера представляет интерес для социальной антропологии (в частности, данной проблемой занимается экологическая антропология), этнографии, гуманитарной (социальной) географии и социологии. Экологическая антропология как отдельная дисциплина появилась в 1960-е годы, но ее возникновению предшествовал ряд работ таких исследователей, как Дарилл Форд, Альфред Кребер и Джулиан Стюарт [Kottak 1999: 23]. Данная дисциплина развивалась в рамках функционалистского подхода [Ibid.]. Впоследствии появление и распространение международных движений за человеческие и культурные права, а также за права животных (animal rights) стали предметом исследований в рамках экологической антропологии [Ibid.: 29].

В 1980-е годы повышается интерес социальных ученых к «человеческим измерениям» (human dimensions) глобальных изменений окружающей среды и укрепляется представление о динамично усиливающемся энвайронментальном кризисе [Moran 2006: 34]. Осмысление взаимодействия человека с окружающей средой выходит за рамки позитивистской философии и на первый план выдвигаются так называемые субъективные факторы социальной жизни, например неравенство, гендер и персонификация. К. Коттак [Kottak 1999] предлагает проект новой экологической антропологии, которая должна совмещать теорию с политической информированностью, а также с политическими отношениями. Экологическое знание в различных культурных группах коренных народов базируется на локальных практиках использования природных ресурсов [Berkes, Colding, Folke 2000]. Тем не менее оно никогда не функционирует в изоляции [Ibid.]. Экологическое знание является «встроенным» в институты и социальные нормы [North 1990]. Социальные нормы, в свою очередь, основываются на локальной экологической (энвайронментальной) этике и являются частью социальных отношений.

Экологическая этика включает нормативную регуляцию способов взаимодействия человека с окружающей средой. Она содержит этические нормы отношений как с ландшафтом [Thompson 1995; Carlson 2008], так и с животными [Wenzel 1991; Hargrove 1992; Franklin 1999; Nadasdy 2007]. Кроме того, в структуре экологической этики можно выделить ряд других компонентов: систему верований, нормативные установки, а также набор этических правил и стандартов [Taylor 1986: 44]. Более того, нельзя забывать о том, что экологическая этика имеет региональные особенности. На сегодняшний день Байкальский регион и Забайкалье привлекают повышенное внимание ученых, политиков, экономистов, экологических активистов и туристов. Подобная тенденция неслучайна: озеро Байкал является мировым достоянием. Поэтому самые разные точки зрения и восприятия пересекаются в Байкальской Сибири особым образом. Дискурс сохранения окружающей среды, политика социального развития региона сталкиваются с локальными формами взаимодействия с окружающей средой и практиками выживания. В Байкальском регионе сформировался особый комплекс взаимодействия человека и природы, который подразумевает наличие особых этических правил и норм.

В данной книге экологическая этика рассматривается как часть повседневных практик эвенков, где она структурирует отношения человека и природы. Она включает спектр отношений не только к озеру Байкал, но и к прилегающим природным ландшафтам. Кроме того, экологическая этика отражает практические вопросы, связанные с интеракцией человека с окружающей средой [Attfield 2003: 18]. Также она предполагает наличие взаимной ответственности человека и природной среды по отношению друг к другу [Leopold 1991; Роуз 2001; Сирина 2008].

В работе рассматриваются способы взаимодействия эвенков Байкальского региона со стихиями природы. Подобное построение текста показалось авторам перспективным, поскольку через разные подходы к элементам природного ландшафта, характерные для эвенков Байкальской Сибири, можно составить представление о разнообразии этических норм и контекстов, без которых невозможно понимание отношений человека и природы.

В то же время экологическую этику эвенков Байкальской Сибири необходимо рассматривать как категорию современную и динамичную, нежели статичную и укорененную в истории [Metzo 2005].

Историческая перспектива важна для того, чтобы осмыслить, каким образом происходило столкновение различных точек зрения на то, как нужно взаимодействовать человеку с окружающей средой. В данной работе авторы рассматривают формирование экологической этики эвенков посредством повседневных практик охотников, рыболовов и оленеводов в окружающей среде. Эвенки воспринимают окружающую среду не как что-то внешнее по отношению к наблюдателю, а находясь внутри этой среды. Книга представляет собой попытку перейти от абстрактного рассмотрения отношений местных жителей Байкальского региона и Забайкалья с окружающей средой и природой к анализу того, как они используют и интерпретируют ее конкретные составляющие. В каждой главе акцентируется отдельный элемент окружающей среды — в своих практиках люди так или иначе взаимодействуют с лесом, камнями, светом, огнем, водой и воздухом. Иными словами, взаимодействие с окружающей средой — это постоянное нахождение человека среди этих природных стихий (он помещен в среду, а не является сторонним наблюдателем).

Авторы предлагают междисциплинарный подход к анализу отношений эвенков и природы в Байкальском регионе, совмещающий методологический аппарат социологии, этнографии и социальной антропологии. Социологический метод позволяет проанализировать то, каким образом динамика отношений «человек—природа» подвергалась влиянию социально-политических процессов. Энвайронментальная этика, таким образом, представлена как категория, зависящая от контекстов и социальных перемен. Для данного подхода характерно рассмотрение разных интересов и точек зрения, где наука также находит свою автономию и идеологическую нишу. Понимание локальных этических норм существенно зависит от расстановки идеологических акцентов. Отказ от, казалось бы, очевидных ценностей социального развития позволяет увидеть совершенно иные смыслы и логику, которые ранее скрывались за пологом лояльности, «очевидными» и «чистыми» ценностями прогресса.

Анализ историко-этнографического материала в *главе 1* (Т. Ю. Сем) дает уникальную возможность понять, какие именно отношения с ландшафтом привлекали внимание исследователей, изучавших культуру эвенков. Историко-этнографический метод анализа материала характеризуется обширным комплексом подходов, предусматривающим прежде всего использование сравнитель-

но-исторического и генетического подходов. С их помощью образы и явления культуры рассматриваются в исторической динамике, выявляются этнокультурные исторические связи и исследуется формирование региональной и этнокультурной специфики наряду с самим предметом и объектом культуры. Сравнительно-исторический подход также учитывает синхронно-диахронные и конкретно-исторические исследования.

На примере мифологической космогонии эвенков рассматривается восприятие ими образов природных стихий мира. Человек связан со всеми природными стихиями. В космогонических мифах человек, с одной стороны, являлся частью окружающей природы, с другой — обладал креативным потенциалом в процессе творения мира, участвовал в создании законов природы и менял их. В восприятии мира доминировали персонифицированные представления о свете, солнце, небе, камне и горе (горном ландшафте). Автор подробно останавливается на этих образах, разбирая их содержательную сущность для человека традиционной культуры. В главе показывается, что ментальный образ неба и верховного космического божества Вселенной, неба, погоды Буга составлял особую историко-культурную ценность общетунгусской модели мира, наделялся высшей справедливостью, абсолютной властью, законностью, высшими моральными ценностями. Небесная сфера верховного божества ассоциировалась с верхом мироздания, светом солнца, промысловой удачей, плодородием, творческой энергией. В модели мира тунгусов сформировалось уважительное отношение к верхней сфере мира и верховным богам неба, требующее почитания, поклонения и жертвоприношения. С образом света и тепла было связано солнце — Сэвэки, Улдэн, Дылача, которое рассматривалось как светило, местоположение и само верховное небесное божество мужского и женского пола, как податель благ, обеспечивающий плодородие, рост растений, возникновение душ людей и зверей, шаманской силы. Хозяева священных скал и гор воспринимались эвенками как хозяева среднего мира людей и зверей.

Камень считался наиболее древней стихией мироздания, свидетелем мифических времен первотворения, поэтому его широко использовали в культовой практике с целью гадания, лечения, во время шаманских инициаций и промысловых культов. Согласно верованиям эвенков Байкала и Амура, первопредки были связаны со священными камнями или скалами, на которых имелись свя-

щенные рисунки либо те, которые напоминали по форме очертания человека или животных. Священные рисунки на камнях и скалах обычно обновлялись, их смазывали кровью жертвенных животных с целью придания им жизненных сил. Интерпретация древних петроглифов прочитывалась через современное и традиционное осмысление нарратива, сближаемого исследователями с данными фольклора и ритуалов. Исследование показало, что переживание природных стихий неба, солнца, камня и гор эвенками Байкала и сопредельных территорий проходило через их ментальное осмысление в древних мифологических и шаманских образах, характеризующих энвайронментальную этику региона.

Глава 2 (В. В. Симонова) посвящена описанию различий между нормами энвайронментальной этики, которые воспроизводятся в рамках глобального экологического дискурса, и экологической этики повседневных практик местного населения Байкальского региона. В частности, приводятся два разных понимания леса и окружающей среды, характерные для пришлого населения и локальных сообществ эвенков. В главе рассматривается, как под воздействием колониальной идеологии и советских ценностей унификации опыта людей (под эгидой единого и целостного социального развития) формировалось понимание взаимодействия человека и окружающей среды. В главе на ряде примеров показаны историко-идеологические предпосылки формирования экологической этики, где локальная стратегия понимания и вживания в окружающую среду сталкивается с идеями прогресса и развития таежного пространства как перспективного полигона претворения в жизнь разнообразных идей и концепций. Рассматривается динамика научных течений, которые оказывали влияние на осмысление отношений между человеком и окружающей средой, а также между эвенками и вновь прибывшими поселенцами. В главе делается акцент на контрасте интерпретаций взаимодействия с окружающей средой.

В *главе 3* (Д. Брандишаускас) рассматриваются отношения эвенков Забайкалья к огню и то, каким образом локальные практики использования огня формируют культурный ландшафт. В повседневных практиках эвенков огонь служит источником света, тепла и дыма. Применяя традиционное знание об огне, эвенки осуществляют уникальный менеджмент ландшафта. Огонь является также важным элементом ритуальных практик, в рамках которых осуществляется коммуникация с духами тайги, соответственно

ландшафт здесь выступает как персонифицированная субстанция, способная принимать решения.

В главе 4 (В. Н. Давыдов, В. В. Симонова) описываются отношения эвенков Северобайкальского района Республики Бурятия с водным пространством. В данной главе рассматриваются отношения с окружающей средой, связанные с освоением водоемов и формирующиеся под влиянием повседневных практик и локальных нарративов. Вода для жителей эвенкийских национальных сел Северобайкальского района (Холодная, Кумора, Уоян и Байкальское) является не только ресурсом, но и частью ландшафта, где локализуются их повседневные, рутинные практики.

Жизнь рыбака и охотника на Байкале — это постоянная борьба со стихией. С точки зрения местных жителей, для того чтобы использовать ресурсы, которые дает им природа, необходимо постоянно поддерживать с ней правильные отношения путем соблюдения этических норм. Нормы экологической этики получают свое нарративное определение в контексте значимых для локального сообщества событий. Чистая вода для местных жителей это жизненно важная составляющая их повседневных практик. В данном контексте интерпретации экологического загрязнения для местных жителей принимают форму рефлексии повседневных практик. Отсутствие рыбы в реке, например, объясняется местными жителями как следствие попадания вредных веществ в воду. В данной главе делается вывод, что система взаимоотношений человека и водных пространств на Северном Байкале складывалась не под влиянием глобального энвайронментального дискурса, а через непосредственное участие местных жителей в промысловых практиках и их постоянное определение в локальных устных историях.

В главе 5 «Жизнь среди семи ветров» (В. Н. Давыдов) делается попытка проанализировать материальность воздуха. Долгое время данная стихия оставалась без внимания социальных ученых, как будто предметы материального мира находятся в пустоте [Ingold 2007]. Тем не менее воздух постоянно перемещается, не стоит на месте. Люди организуют свои практики в соответствии с этим движением, или, лучше сказать, находясь внутри движения воздуха. Названия ветров отражены в историях, которые рассказывают местные жители. Ветер изображается в них не как безликая субстанция, а как креативная или разрушительная сила. Отношения эвенков с ветром — также одна из форм построения отношений с ландшафтом.

Охота, рыбалка, оленеводство и перекочевки зависят от распространения и силы ветра. Локальное знание о ветре — важнейшая часть повседневной таежной жизни, где ландшафт выступает в динамике и раскрывает свой потенциал.

В целом в книге предпринимается попытка показать, насколько чуткими и мудрыми могут быть отношения человека и природы, насколько различным может быть понимание того, что такое ландшафт и как с ним следует взаимодействовать. Контраст мнений есть точка столкновения подходов, мировоззрений и стратегий, что все вместе составляет общую историю локальных отношений человека и окружающей среды. До сих пор мнения эвенков Байкальской Сибири не учитывались при принятии решений относительно развития региона, хотя, бесспорно, весь багаж знаний и опыт локальных сообществ является бесценным подспорьем в политическом дискурсе. Авторы надеются, что эта книга поможет голосам эвенков зазвучать сильнее, тем более что у них действительно есть чему учиться.